

МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТЬ И «ВСТРЕЧНЫЕ ТЕЧЕНИЯ» В АВТОРСКОМ СОЗНАНИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Д. А. Чугунов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 апреля 2015 г.

Аннотация: в статье рассматривается влияние мультикультурности на структуру авторского сознания. Ставится вопрос об актуальности тезиса А. Н. Веселовского о «встречных течениях» для понимания современного литературного процесса.

Ключевые слова: А. Н. Веселовский, «встречные течения», мультикультурность, структура авторского сознания, национальная идентичность.

Abstract: this article discusses the impact of multiculturalism on the structure of the author's consciousness. It raises the question of the relevance of the thesis A. N. Veselovskij about «counter flows» to understand the contemporary literary process.

Key words: A. N. Veselovskij, «counter flows», multiculturalism, structure of the author's consciousness, national identity.

Глобализация современной действительности, явившаяся результатом мировой перестройки на рубеже XX–XXI веков, оказала влияние на разные стороны литературного процесса. Можно отметить и изменившуюся идеологическую нагрузку произведений, и начавшееся осмысление прежде незнакомых тем, вызванных к жизни новыми реалиями, и учёт неожиданных нюансов при осмыслении тех проблем, которые казались уже давно решёнными.

Иным стал и собственно процесс творчества. Ранее авторское желание сдерживалось наличием информационных «границ». Личный опыт писателя напрямую влиял на объём информации, которую тот вкладывал в произведение. Не секрет, что О. Бальзаку, Г. Флоберу или Ж. Верну приходилось перелопачивать многие тома справочной литературы, чтобы выйти в зону неизвестного, будь то африканская древность, или экзотические пространства Южной Америки, или мир французской провинции девятнадцатого века. Другим решением проблемы становились длительные путешествия, во время которых происходило накопление личного опыта. В наши дни рождение книги часто получает иную природу и происходит в иные сроки – благодаря глобальной сети Интернет, дающей доступ к морю информации.

Процесс стирания информационных границ заметен и в особенностях функционирования современных книжных издательств. Во-первых, появилась новая форма книги – «электронная», которая оказывается доступной любому пользователю в любой точке земного шара. Во-вторых, многие издательства из национальных организаций превра-

щаются в транснациональные. Среди таковых формально «английское» издательство «Dorling Kindersley», которое имеет офисы в Лондоне, Нью-Йорке, Мюнхене, Нью-Дели, Торонто и Мельбурне, или русскоязычное «канадское» издательство «Altaspera», печатающее книги для читателей из России в бельгийских типографиях. Можно вспомнить и популярную «немецкую» группу издательств «VDM Publishing», у которой есть филиалы в экзотических Маврикии и Молдавии. Схожий процесс мы наблюдаем и в области вручения литературных премий. Яркий пример – меняющаяся специфика Букеровской премии. С 1969 по 2013 годы её вручали только авторам «британского» мира – тем писателям, кто жил в странах Британского Содружества, Ирландии или Зимбабве. 23 июля 2014 года это условие было отменено. По словам председателя премиального фонда, произнесённым несколько ранее, жюри «отказывается от сдерживающих географических рамок и национальных границ» [1].

В рамках настоящей статьи мы обозначим важную проблему, осмысление которой обещает быть плодотворным. Мультикультурное преобразование действительности повлияло и на баланс между компонентами авторской идентичности, что, в свою очередь, часто стало приводить к специфической трансформации авторского самосознания.

Структура авторской идентичности складывается, на наш взгляд, из двух компонентов – личного ядра и периферии, связанной с более широким пространством национальной идентичности. В центре находится тот индивидуальный жизненный и философский опыт, о котором мы говорили ранее, культурный багаж писателя, накапливающийся при

знакомстве с другими странами, с историческими эпохами. Национальная идентичность проявляет себя в другом: в специфичной образной оценке происходящего, в имплицитно выраженных симпатиях и антипатиях, в особенном внимании к отдельным элементам повествования. Так, давно было замечено, что русский автор Лев Толстой по-разному описывал Кутузова и француза Бонапарте. Другой пример: отличие французской карнавальной культуры от русской смеховой. Французский «либертен» (Рабле) и православную «свободу» (Гоголь) можно сравнивать между собой лишь с величайшей осторожностью, хотя это и пытался сделать авторитетный исследователь-русист Ж. Нива.

Ещё в XIX веке между этими двумя компонентами – личностным ядром и национальной периферией – существовала устойчивая гармоничная связь. Она наблюдалась даже в тех случаях, когда жизнь писателя долгое время проходила за пределами культуры его рождения, когда автор, оказываясь за границей, интенсивно впитывал иной образ мыслей и усваивал иной порядок существования. Здесь уместно вспомнить И. С. Тургенева, который из всех русских авторов был наиболее близок и понятен Западу. Показательно, что он, ничуть не преувеличивая, писал в предисловии к немецкому изданию романа «Отцы и дети» (Mitau/Hamburg, 1869): «Я настолько благодарен Германии, что люблю и почитаю ее не иначе, как свое второе отечество» (см.: Mitauer Ausgabe. – I. Bd. – 1869. – S. II.). Тургенев вводил в ткань своих произведений многочисленные образы и мотивы европейской культуры, чувствуя себя как дома не только в Германии, но и во Франции, и в Италии. Он вёл непринуждённую переписку со знакомыми и друзьями на немецком языке, сочинял водевили на французском, однако на протяжении всей жизни оставался русским писателем. При этом личная идентичность не вступала в конфликт с идентичностью национальной. Пребывание в Германии не мешало Тургеневу работать над «Записками охотника». Точно так же и Гоголь в итальянских краях писал характерно национальную поэму «Мёртвые души», а Г. Гейне, несмотря на свою «личную» ненависть к Пруссии, даже во французский период жизни не отрекался от любви к немецкой земле.

Начавшаяся в XX веке глобальная перестройка мировой системы государств и перекройка национальных границ стали вносить заметные диссонансы в структуру авторской идентичности. Назовём здесь вспомнить Н. С. Гумилёва, Ф. Кафку, Р. М. Рильке, Дж. Конрада, Г. Гессе и других писателей, в сознании которых сталкивались, пересекались, с разным эффектом взаимодействовали разнонациональные и разнокультурные потоки. Чтобы уловить некоторые нюансы этого процесса «размытия» идентичности, мы обратимся к известному тезису А. Н. Веселовского о «встречных течениях».

Размышляя о межнациональных литературных (и шире – культурных) взаимодействиях, А. Н. Веселовский в «Исторической поэтике» писал: «Заимствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное направление мышления, аналогические образы фантазии. Теория заимствования вызывает, таким образом, теорию «основ» и «обратно» [2, 115–116]. Его идея, как известно, помогла снять противоречие выбора между двумя оценками: обнаружением в разных литературных произведениях некоей общей основы, к которой восходят эти тексты, или же констатацией перехода элементов текста от одного автора к другому.

Мысль А. Н. Веселовского может быть, на наш взгляд, распространена на анализ современного коммуникативного дискурса в целом. «Мультикультурность», отражаясь в сфере литературного творчества, заставляет обратить внимание не только на пафос литературного произведения, на общественную значимость тех или иных авторских оценок (например, на их толерантность или, напротив, нетерпимость к иному религиозному или национальному началу). Значимой оказывается и проблема самого авторского сознания. Какова степень его цельности? Из каких элементов оно формируется в условиях современной мультикультурной действительности?

Специфику проблемы можно понять, вспомнив творчество британского автора Кадзуо Исигуро. Его первые романы образно и сюжетно были привязаны к Японии, его исторической родине. Лишь в знаменитом «Остатке дня» писатель смог оторваться от прежних основ. Однако и в этом романе ощущалось влияние японского менталитета и японской философии [см. об этом: 3, 180].

До К. Исигуро в мировой литературе также встречались примеры авторов-билингвов, причём «билингвизм» этот был не только «лингвистического», но – шире! – общекультурного свойства. Таджикский и одновременно персидский поэт Рудаки, Фирдоуси, которого считают национальным поэтом в Таджикистане, Иране, Афганистане и Узбекистане, поляк Джозеф Конрад, ставший классиком английской литературы – этот список легко продолжить. В XX веке уникальным явлением стало русско-национальное двуязычие в рамках общей советской художественной литературы (Ч. Айтматов, Ю. Рытхейу, Ч. Гусейнов, Ф. Искандер, В. Санги и др.). В целом же стоит вспомнить меткое суждение Г. Д. Гачева, так написавшего о художественном билингвизме: «двуязычие – это диалог двух мировоззрений, систем мира, обуславливающий стереоскопичность зрения, объёмность мышления» [4, 445].

Подобный диалог присутствовал, например, в сознании древнеримских художников слова, получивших в юности второе образование в греческих

риторских и философских школах Афин, Александрии, Пергама и других городов. История отечественной литературы насчитывает не меньшее количество примеров такого взаимодействия: уже на заре её возникновения перед глазами древнерусских писателей (например, перед Софонием Рязанцем) вставляли византийские образцы, из которых можно было черпать идеи, сюжеты, стилистические приёмы. Особенным периодом в отношении диалога с иноязычным культурным началом явился, конечно же, XIX век. Именно в это столетие возник тип писателя, внутренний мир которого становился пространством взаимодействия двух или более национальных начал. В сознание писателей, принадлежавших к образованной верхушке общества, с детства входили французский, немецкий, итальянский, английский культурные элементы. Не случайно и В. А. Жуковский, и А. С. Пушкин, и М. Ю. Лермонтов пробовали сочинять стихи на французском языке именно в юности, то есть в момент становления их поэтической индивидуальности. Не только они, но и многие другие классики XIX века владели иностранными языками, однако примечательно, что, оценивая итоги их поисков, можно вспомнить крылатую поэтическую фразу, применимую к оценке самосознания каждого из них: «Нет, я не Байрон, я другой...» [5].

Проблема, которую нам хотелось бы обозначить, связана с процессом перестройки авторского сознания *современных* писателей, живущих в условиях глобализирующегося мира. Насколько значимым для них ныне оказывается компонент национальной идентичности? Не оборачиваются ли «встречные течения», о которых размышлял Веселовский, полным размытием национальных границ самосознания? И главное – не начинает ли доминировать над всем остальным личностное ядро? Возможно, один из путей поиска ответов на эти вопросы – обращение к эстетическому опыту современных писателей-эмигрантов или же тех, кто, не отказываясь от своего гражданства, постоянно живёт за границей. Думается, что именно в их сознании «встречные течения» проявляют себя наиболее заметно.

Интересные наблюдения в этом отношении можно сделать, обратившись к произведениям Владимира Каминера или Михаила Шишкина. Первый – русскоязычный еврей, эмигрировавший в 1990 году в ГДР, пишущий свои книги только на неродном немецком языке и ставший известным писателем в современной Германии. Второй – русский писатель, с 1995 года проживающий в Швейцарии, создающий свои книги на русском и немецком языках. Какие элементы какой национальной идентичности отражаются в их произведениях? Совпадают ли друг с другом этические и эстетические оценки, идущие от личностного опыта писателей и от их ощущения своей принадлежности (в прошлом и в настоящем

времени) к определённой национальной общности? Наконец, можно ли соотнести их авторский опыт с опытом русских писателей-эмигрантов более ранней поры, например, с молодёжью первой волны эмиграции, которые оказались в Берлине и Париже в 1920–1930-е годы?

Один из ключевых вопросов здесь – о языке пишущего.

Если вспомнить таких авторов, как И. Бунин или З. Гиппиус, то их единственным литературным языком был русский (при том, что французским они владели так же хорошо). Примеры В. Набокова или И. Бродского – более сложные, потому что эти авторы сознательно переходили языковые границы. При этом любивший словесные эксперименты Набоков не избежал вначале жёсткой критики американских редакторов. Его как писателя-иммигранта упрекали в плохом знании языка, в неестественности английских фраз, хотя затем и объявили классиком американской словесности. В двойном облици предстаёт перед нами И. Бродский: как лирик – он русский, как эссеист – англичанин, при этом любопытно, что его англоязычная эссеистика перегружена деепричастными оборотами, свойственными русскому языку.

Подобные процессы писательского «двуязычия» активизировались именно во второй половине XX века. Интересно, что двуязычие может быть и фиктивным, как в случае с французским прозаиком А. Макином (Andrei Makine, род. в 1957 г. в Красноярске), который, чтобы добиться популярности среди французских читателей, свои первые романы «Дочь Героя Советского Союза» и «Время реки Амур» выдал за переводы с русского.

В. Каминер, которого мы упоминали, также принципиально творит на неродном языке, несмотря на то, что в Германии проживает более четырёх миллионов русскоязычных людей. Пытаясь определить его адресата, немецкий литературовед Х. Риндинсбахер остроумно заметил: «Каминер пишет в Германии для немцев. В то же время он пишет преимущественно о русских – значит, пишет, без сомнения, и для русской эмигрантской общины. При этом он твердо рассчитывает на то, что в конечных точках его мультикультурного русско-немецкого “шпагата” господствует определенное невежество, поэтому многие из повествовательных эффектов его книг основаны на неполном знании и стереотипах немецких читателей» [6]. Хотя стиль его немецкоязычных произведений нельзя назвать идеальным, Каминер широко популярен в Германии; в то же время в России его практически не знают, на русский переведена всего одна книга. В России он воспринимается скорее как представитель, посол немецкой культуры.

Можно ли нащупать отличие авторского сознания В. Каминера или А. Макина от творческого сознания И. Бунина? Есть подсказка.

«Я по-русски никогда и не пытался сформулировать свои мысли. У меня была цель добраться до читателей, ведь литература – это же такое приглашение к диалогу, а в Германии мало кто по-русски говорит. Это вообще странная история, живя в одной стране, писать на другом языке, – объясняет сам Каминер. – У меня не было “желания писать на немецком”, это была скорее необходимость. Для меня язык исключительно средство коммуникации» [цит. по: 7].

Позиция Каминера напоминает позицию чешской поэтессы-эмигрантки Веры Линхартовой, которая, перейдя в своём творчестве на французский язык, заявила: «Писатель не является узником какого-либо одного языка» [цит. по: 8].

Если сравнить их высказывания со знаменитыми строками из тургеневского стихотворения в прозе «Русский язык», то легко увидеть различие. Для Тургенева (или Бунина) вопрос языка – это вопрос культурной миссии, вопрос соответствия именованию русским писателем. Для Каминера или Макина – вопрос выживания в новой стране.

И здесь тезис Веселовского о «встречных течениях» получает новый вариант осмысления. Мы должны задуматься не только о готовности принимать что-либо извне, но и о самой природе принятия нового в мире со стёртыми границами. Не разрывается ли в структуре авторского сознания связь между ядром и периферией и не превращается ли в новой глобальной действительности сам автор в единственную точку отсчёта? Тургенев провёл годы за границей, оставаясь *русским* писателем. Остаётся ли в наше время таковым писатель, живущий за пределами родной страны, хотя и по-прежнему эксплуатирующий национальную тему, описывающий её историю, касающийся особенностей её культуры?

Похожей проблемой при оценке «встречных течений» может стать так называемая «внутренняя эмиграция» автора. Показателен здесь пример Людмилы Улицкой, аттестующей себя «русской писательницей еврейского происхождения, воспитанной в христианской культуре» [9]. Недавно, безоговорочно осуждая внешнеполитическую позицию России, она написала в эссе, опубликованном в журнале «Шпигель» (2014. № 34): «Сейчас моя страна находится в состоянии войны с культурой, ценностями гуманизма, свободой личности и идеей прав человека... Моя страна больна агрессивным невежеством, национализмом и имперской манией величия... Мне стыдно за всех нас, за наш народ, который растерял нравственные ориентиры». И далее: «Прощай, Европа, боюсь, мы никогда не станем частью европейской семьи народов. Наша великая культура, наши Толстой и Чехов, Чайковский и Шостакович, наши художники, актеры, философы и ученые сегодня точно так же не в силах воспрепятствовать политике об-

леченных властью безумцев, как раньше они не могли ничего поделать с политикой религиозных фанатиков и коммунистических идей. 300 лет мы черпали силы к существованию из одних и тех же источников... и никогда не расставались с надеждой. Сегодня мы, деятели российской культуры, та их малая часть, к которой отношусь и я, можем сказать лишь одно: прощай, Европа!» [9].

Высказывание писательницы невозможно понять без определения смыслов, которые она вкладывает в местоимения «мы», «моя» (страна), «наша» (культура). Духовные же приоритеты в данном случае весьма важны. Улицкая сама определяет себя как личность, принадлежащую лишь к малой части российской культуры, фактически оставляя за рамками своей избранной группы Ф. М. Достоевского или К. Леонтьева. В этой ситуации возникает затруднение с определением направленности «встречных течений». Поэтому не случайно после выхода её эссе в немецком (!) журнале замечательный поэт Юрий Кублановский так написал о взглядах Улицкой: «Жаль мне Улицкую, публицистов и литераторов ее генерации. Пишут на русском, а родину своего языка знают худо, красотой ее не проникнуты, к истории ее относятся не по-пушкински. Тогда зачем же писать по-русски?» [10].

Как видим, превращение автором самого себя в точку отсчёта значительно осложняет осмысление межкультурных взаимодействий в его творчестве. Для Улицкой не Россия, а именно «Европа» является вождельной точкой, к которой стремится авторское сознание, с «Европой» связаны авторские надежды и переживания. А выражение «моя страна», употреблённое по отношению к России, оказывается лишь стандартным обозначением страны пребывания, по сути своей – условностью, фикцией.

Так же парадоксален и случай В. Каминера. Создавая свои произведения на немецком языке и для немецкой публики, будучи евреем-эмигрантом, в своих историях он самоидентифицирует себя... как русского! Дискуссионным остаётся вопрос о том, является ли это привычным обозначением любого выходца с востока, из бывшего СССР, или же точкой отсчёта в сознании писателя по-прежнему является русская культура. Как бы то ни было, многие обстоятельства современного литературного процесса открывают теории «встречных течений» А. Н. Веселовского новую жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Длинный список претендентов на Букера озвучен // Курс : – 2014. – 24 июля. – Режим доступа: <http://kurs.ru/5/10217541> (дата обращения 22.02.2015).
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Высшая школа, 1989. – 405 с.
3. Литвина А. Исигуро / А. Литвина // Энциклопедический словарь английской литературы XX века. Под

ред. А. П. Саруханян. – М. : Наука, 2005. – С. 179–181.

4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – М. : Сов. писатель, 1988. – 448 с.

5. Лермонтов М. Ю. Нет, я не Байрон, я другой... / М. Ю. Лермонтов // Фундаментальная электронная библиотека. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/fvers/l21/l21-2541.htm> (дата обращения 27.01.2015).

6. Риндинсбахер Х. Воображаемые и реальные путешествия Владимира Каминера / Х. Риндинсбахер // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 82. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/ri25.html> (дата обращения 23.02.2015).

7. Попова Н. 7 историй Владимира Каминера про СССР, Матиаса Руста и поиски рая / Н. Попова // РИА Но-

вости : – Режим доступа: 2013. – 13 октября. URL: http://ria.ru/weekend_books/20131011/969340755.html#ixzz3SYpr7SDU (дата обращения 23.02.2015).

8. Проза русской эмиграции // ЛЮДИ. PEOPLES.RU : – Режим доступа: http://www.peoples.ru/state/teacher/maria_rubens/index.html (дата обращения 23.02.2015).

9. Улицкая Л. Моя страна больна / Л. Улицкая // InoPressa : [электронный ресурс]. – 2014. – 18 августа. – Режим доступа: <http://inopressa.ru/article/18Aug2014/spiegel/ulitskaaya.html> (дата обращения 23.02.2015).

10. Кублановский Ю. Прощание с Европой Людмилы Улицкой / Ю. Кублановский // Российская газета. – 2014. – 26 августа. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/08/26/ulitskaaya.html> (дата обращения 23.02.2015).

*Воронежский государственный университет
Чугунов Д. А., доктор филологических наук, заведующий
кафедрой зарубежной литературы
E-mail: dr-chugunov@yandex.ru*

*Voronezh State University
Chugunov D. A., Doctor of Philology, Head of the Foreign
Literature Department
E-mail: dr-chugunov@yandex.ru*